

Арман Д'Ангур. Изобретая философа: влюбленный Сократ*

Перевод с английского Н.А. Баратова.
М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. – 224 с.

Для цитирования: Псху, Р.В. Рецензия на книгу *Изобретая философа: влюбленный Сократ*, Арман Д'Ангур. *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 424–430.

For citation: Pskhu, Ruzana V. Review of *Socrates in Love: The Making of a Philosopher*, by Armand D'Angour. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 424–430. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 22.08.24

Принята к публикации / Accepted: 30.08.24

За последние несколько лет не вышло ни одной интересной крупной работы о Сократе, в которой была бы предпринята попытка оригинального прочтения всех источников, содержащих сведения о нём. В самом деле, удобно ли писать о философе, который сам ничего не писал? Есть такая латинская поговорка: *quot philologi, tot Heracliti*¹. С Сократом же, мне видится, ситуация сложилась диаметрально противоположная. Во всяком случае на русском языке мы видим множество «перепевов» из учебников

* Рецензия подготовлена при поддержке РФФ в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, проект № 23-28-01437 «Типология цивилизационно-специфичных рациональностей Евразии».

¹ Сколько филологов, столько Гераклитов (лат.).

и работ историков философии, так называемой «старой гвардии», увековечивших образ и заслуги Сократа в истории философии². Казалось бы, что можно к этому добавить? Вроде, в целом все ясно. Сократ (Σωκράτης, 469 до н.э., Афины – 399 до н.э., там же) – «древнегреческий философ-моралист, учитель Платона и родоначальник других сократических школ»³, воспитавший плеяду оригинальных учеников, человек незаурядный и необычный и т.д. и т.п. Неслучайно его часто описывали как ἄτοπος (др.-греч. «неуместный», «странный»). Тем не менее всякий, кто смотрел скучнейший советский фильм о Сократе (и досмотрел его до конца)⁴, помнит образ солнечного Сократа, появляющегося под занавес с титрами, смеющегося и веселого, вызывающего слезы радости, и, главное, помнит, что этот образ больше того, что мы о нём знаем. Больше в том смысле, что он не вмещается в созданный историками философии портрет. Свет, исходящий от него, высвечивает контуры реальной личности. И даже тут хочется сказать ἄτοπος – этот свет не на своем месте, слишком уж человек по природе немогущ, чтобы выдержать такую духовную силу. Пожалуй, самым надежным источником в деле передачи этого ощущения остается Платон. Ибо он сумел сохранить живой образ своего учителя, в который ты сам влюбляешься, к которому ты уже настолько привязан, что постоянно возвращаешься к этим уже поднадоевшим всем диалогам, будто пытаешься разгадать загадку, но постоянно из режима научной аналитики впадаешь в режим равного со-участника+диалога. И когда, проходя мимо книжной полки в магазине «Пиотровский» на Малой Никитской в Москве, ты замечаешь книгу под названием «Влюбленный Сократ»⁵, всё становится на свои места. И тогда ἄτοπος потому, что

² В.Ф. Асмус, *Античная философия*, 3-е изд. (М.: Высшая школа, 1999); Ф.Х. Кессиди, *Сократ*, 2-е изд. (М.: Мысль, 1988); В.С. Нерсесянц, *Сократ* (М.: Наука, 1977) и др.

³ А.В. Лебедев, «Сократ», в *Большая российская энциклопедия*, дата обращения 22 августа 2024, <http://bigenc.ru/c/sokrat-7bb844>.

⁴ Худ. фильм «Сократ» (СССР, 1991).

⁵ По какой-то причине издательство КоЛибри выпустило эту книгу сразу под двумя разными обложками с двумя разными названиями. Вот библиографические данные второго варианта этого же самого текста: Арман Д'Ангур,

влюблен: Сократ, как всякий истинно влюбленный, неуместен. Он выпадает из привычных схем, диктующих поведение *comme il faut*, в соответствии с ситуацией (частной или общественной).

Во что же или в кого влюблен Сократ? Об этом и повествует нам оригинальный ученый Арман Д'Ангур в своей работе. Автор книги, безусловно, заслуживает несколько слов в этой небольшой рецензии. Профессор кафедры классической литературы в Оксфорде, автор многих заслуживших признание и отмеченных наградами работ по античной культуре и литературе⁶, Д'Ангур свободно обращается с имеющимся материалом, импровизируя и внося в процессе серьезной аналитической работы существенные изменения в привычный нам образ Сократа⁷.

В статье Ирины Александровны Протопоповой «“Сократический вопрос”: старые проблемы и новые тенденции»⁸ подводится итог последних десятилетий научных исследований «сократовского вопроса»: какие источники можно считать достоверными при реконструкции образа исторического Сократа? Если

практически на протяжении всего XX столетия именно платоновский Сократ считался первостепенным исторически «достоверным» образом⁹,

Влюбленный Сократ. История рождения европейской философской мысли, пер. Н.А. Баратова (М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024).

⁶ Кстати, именно он написал пиндарические оды для Олимпийских игр в Афинах в 2004 и в Лондоне в 2012. Кроме того, он профессиональный виолончелист.

⁷ Мне кажется, музыкальное образование автора книги сыграло положительную роль: одно дело, к примеру, кубинская румба в ее народном исполнении, и совершенно другое – ее музыкальная обработка А. Цфасманом. В данном случае мы видим обработку материала (с которым ученые долгое время работали весьма осторожно), в результате которого появляется цельный образ Сократа, с одной стороны, не противоречащий тому, что мы о нём знаем исторически (пусть порой интерпретация исторических фактов Армана и очень субъективна), а с другой – расширяющий его земную личность как место света и духовной силы. Он остается йтопос, но эта неуместность уже не выглядит несурзальной.

⁸ И.А. Протопопова, «“Сократический вопрос”: старые проблемы и новые тенденции», *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция* 13, № 1 (2019).

⁹ Протопопова, «Сократический вопрос», 332.

то благодаря двум исследователям, один из которых решил данный вопрос радикальным «уничтожением» возможности получить представление об историческом Сократе (Олоф Жигон¹⁰), а второй дал его компромиссное решение (Грегори Властос¹¹), в исследованиях «сократического вопроса», а значит, и в целом сократовской философии произошли определенные сдвиги в том, что касается осознания учеными своих методологических возможностей¹². В целом исследователи, равно как, видимо, и автор упомянутого выше обзора, склоняются к мысли, что тексты, содержащие сведения о Сократе, следует использовать скорее для изучения создателей этих текстов, чем самого Сократа¹³. Более того, на основании этих источников мы можем говорить с достоверностью только о том, как Сократ воспринимался в Античности и самими этими авторами¹⁴. Как пишет Габриэль Данциг, вопрос ставится проще:

¹⁰ Олоф Жигон полагал, что все имеющиеся источники о Сократе суть художественный вымысел. Эта позиция, выражаясь словами Дориона, «вызывала страх перед неизбежным исчезновением Сократа» (Протопопова, «Сократический вопрос», 333).

¹¹ Грегори Властос, ныне покойный, был одним из самых авторитетных исследователей сократовской философии. По его мнению, ранние диалоги Платона должны быть сохранены как источник наших представлений об историческом Сократе, в то время как в его зрелых и поздних диалогах Сократ фигурирует скорее как художественный персонаж. Им было предложено десять отличий исторического Сократа от «платонического» Сократа. На русском см. Грегори Властос, «Сократ», в *Греческая философия*, под ред. Моника Канто-Спербер и др., т. 1 (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006). Эта глава является переводом статьи, впервые опубликованной в *Proceedings of the British Academy* LXXIV, 1988.

¹² Луи-Андре Дорион определил сложившуюся ситуацию следующим образом: «Позиция тех, кто признает сократический вопрос и при этом надеется на его решение, методологически несостоятельна». Цит. по Протопопова, «Сократический вопрос», 334.

¹³ Протопопова, «Сократический вопрос», 334.

¹⁴ Согласитесь, это напоминает решение И. Канта относительно вопроса о реальности мира: мы можем только говорить о том, что мы устроены таким образом, что воспринимаем этот мир так, а не иначе. Как устроен реальный мир (вне восприятия его человеком), мы, если хотим оставаться на почве строгой науки, сказать не можем.

кем мог быть Сократ, чтобы вдохновлять такое большое количество столь разнообразных последователей, включая не только философов по натуре, но и политиков вроде Крития и Алкивиада¹⁵?

Автор обзора заключает, что

скептицизм в отношении к «историческому» Сократу сменяется оптимизмом относительно изучения «сократических» источников: им нужно адресовать новые вопросы¹⁶.

Вышедшая в 2019 г. практически одновременно с обзором Протопоповой книга Д'Ангюра¹⁷, отвечая по сути на сформулированное Данцигом условие, демонстрирует небывалый оптимизм в решении «сократовского вопроса», ставя новые задачи и находя им оригинальные решения.

Книга состоит из шести глав, предваряемых «Хронологией событий, относящихся к Сократу V в. до н.э. (500–399 до н.э.)», «Примечанием по написанию имен», «Предисловием и Вступлением (Спуская Сократа с “Облаков”»)». С самого начала задается тон научного изыскания с детективными элементами, которые автор умело и с азартом вводит в свое повествование. Цель книги определяется автором на с. 19:

предложить новый, исторически обоснованный взгляд на личность философа, на его ранние годы, на самые истоки сократовского мышления

(вот и продолжение научных дискуссий о «сократическом вопросе»). В качестве инструментария автор, сознавая, что «прямые свидетельства о юности Сократа скудны, косвенны и разрозненны», предлагает использовать

¹⁵ Протопопова, «Сократический вопрос», 336.

¹⁶ Протопопова, «Сократический вопрос», 337.

¹⁷ Armand D'Angour, *Socrates in Love: The Making of a Philosopher* (London: Bloomsbury Publishing, 2019). Работа получила многочисленные положительные отклики и рецензии в англоязычной периодике.

косвенные «улики» и историческое воображение, чтобы дополнить те немногие, имеющиеся в источниках ценные указания на его ранние годы жизни (с. 19)

(сразу отметим, что историческое воображение Д'Ангурса явно превосходит среднестатистический уровень умеренно грамотного читателя). На протяжении шести глав («Из любви к Сократу», «Сократ-воин», «Появление Алкивиада», «Круг Перикла», «Рождение философа», «Тайна Аспазии», «Неизвестный Сократ») автор умело развенчивает общепринятые представления о Сократе, перечисляемые им в «Предисловии» («он был выходцем из небогатого сословия и не имел особых возможностей для получения образования»; «в юности он был не менее уродлив, чем в зрелые годы»; «скудость свидетельств о его ранней любовной жизни должна была указывать на ее полное отсутствие»; «Сократ всегда был скорее мыслителем, чем человеком действия» (с. 19–20)), заранее настраивая читателя на переворот этих представлений в конце книги, где представлена цельная биография Сократа с юных лет до его кончины в 399 г. до н.э. Справедливости ради отмечу, что обещания Д'Ангурса развенчать привычный образ Сократа были исполнены им в более неожиданном и весомом объеме, чем это было им скромно заявлено в начале своей работы. Автор книги предлагает вниманию читателя захватывающее повествование, основанное на очень тщательном изучении первоисточников (что не мешает ему довольно вольно их интерпретировать) о ранней жизни Сократа, в которой появляются довольно неожиданные стороны его личности. Одной из самых интересных интерпретаций Д'Ангурса является отождествление Диотимы (диалог «Пир») с Аспазией (дается довольно убедительная дешифровка эпитета Аспазии, закодированного Платоном как Диотима). Конечно, у читателя не может не возникнуть местами ощущения, что автор ведет его туда, куда его самого влечет его богатое историческое воображение, с легкостью скидывающего оковы требования более весомого фактологического доказательства. Тем не менее книга должна войти в книжный «рацион» образованного человека, поскольку живо иллюстрирует не только самого Сократа, но и античную культуру того времени, что со времен

издания книги М.Л. Гаспарова «Занимательная Греция»¹⁸ является редкостью в антиковедческих работах, изданных на русском языке.

Мы не будем воспроизводить реконструкцию Д'Ангуром жизни Сократа. Оставим это удовольствие читателю. Как говорится, too many cooks spoil the soup. Поэтому я оставляю за автором право полноценно «накормить» читателя приготовленным им на десерт vitae summa brevis Сократа.

Несколько покорила встречающаяся в переводе книги неточность: на с. 136 фигурирует платоновский диалог «Республика», который в дальнейшем переименовывается в более привычное русскому слуху «Государство». Остальные неточности, полагаю, не воспрепятствуют увлекательному погружению читателя в труд Д'Ангура.

Книга написана легко, увлекательно и, безусловно, будет полезным источником вдохновения и интереса в целом к античной культуре для всех, кого влечет античная философия.

Р.В. Псху

РУДН им. Патриса Лумумбы
117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Россия
r.pskhu@mail.ru

¹⁸ М.Л. Гаспаров, *Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре* (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995).